

КЭТТИ УИЛЬЯМС

ВИХРЬ
ЖЕЛАНИЙ

Любовный роман – Harlequin

КЭТТИ УИЛЬЯМС
Вихрь желаний

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Уильямс К.

Вихрь желаний / К. Уильямс — «Центрполиграф»,
2016 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07473-7

Не в силах указать заблудившемуся в метель путнику на дверь, Бекки решается пустить его к себе на ночь. Но стоит им оказаться наедине, как ее мысли сразу же заполняют эротические фантазии с участием незнакомца. И это притом, что она никогда не любила надменных заносчивых богачей, всерьез упивающихся собственным могуществом. Проще говоря, Бекки никогда не стала бы тратить время на самоуверенного и властного дельца. Но это не отменяет того, что ее новый знакомый чертовски красив и его просто невозможно выбросить из головы...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-07473-7

© Уильямс К., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кэтти Уильямс

Вихрь желаний

Cathy Williams

Snowbound with His Innocent Temptation

© 2016 by Cathy Williams

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

– Алис, честно, со мной все в порядке!

Ну конечно.

Ветеринарная клиника, в которой Бекки Шоу трудилась последние три года, должна была вот-вот закрыться и превратиться в очередную кофейню, призванную обслуживать бесконечных туристов, приезжавших каждую весну и осень, чтобы сфотографировать Котсуолд. Они скупали бесчисленные картины местных художников, стремясь увезти с собой хоть крупицу местного очарования. Подруги, Сара и Делайла, не прогадали, решив превратить дома в галерею и мастерскую, да и в любом случае обе вышли по любви за миллиардеров, найдя свое счастье в жизни.

Да еще и крыша вдруг начала протекать, и Бекки не сомневалась, что, если как следует прислушается, даже сейчас услышит капающую в подставленное ведро воду.

– И все равно ты слишком молода, чтобы хоронить себя заживо! Почему бы тебе не съездить во Францию? Погостишь у нас пару недель. Уверена, на работе тебя отпустят.

Точно. Через три месяца. И на всю жизнь.

Только вот сестре она этого точно не скажет. И не поедет гостить к ним с Фредди на юг Франции. Как всегда, при мысли о Фредди в груди что-то болезненно сжалось, но она заставила себя ответить:

– Нигде я себя не хороню.

– Я видела прогноз погоды. К выходным в Котсуолде обещают метель. Ты окажешься в зимнем царстве посреди марта, когда весь мир уже цветет в предвкушении весны! Я волнуюсь за тебя.

– Не стоит. – Выглянув в окно, Бекки в очередной раз поразились, что до сих пор живет в родительском доме. Предполагалось же, что этот коттедж станет ее временным убежищем, где она зализет раны, прежде чем вернуться к своей обычной жизни... Три года назад. А потом пошла работать в местную ветеринарную клинику и уговорила родителей отложить продажу дома. Временно. Пока она не придет в себя и не соберется с мыслями. Будет выплачивать им ежемесячную ренту, и позже поднимется по карьерной лестнице, и переберется в Лондон.

А теперь у нее не останется ни работы, ни дома. Потому что с каждым днем дом ветшает все больше, и если его в ближайшее время не продать, скоро от него вообще ничего не останется. Действительно ли она хочет проснуться посреди ночи, плавая на кровати в озере?

Правда, родителям, перебравшимся пять лет назад во Францию, где к ним вскоре присоединилась Алиса с мужем, она пока еще ничего не говорила. Потому что иначе уже на следующий день на ее пороге соберется вся семья с горячим чаем, утешениями и грандиозными планами спасения.

А ей не нужно, чтобы ее спасали.

Она превосходный ветеринар, Норманн напишет ей отличные рекомендации, и она легко найдет новую работу.

К тому же двадцатисемилетним женщинам вовсе не нужно, чтобы их спасали. Тем более младшие сестры и слишком ответственные родители.

– А разве это не я должна за тебя волноваться?

– Потому что старше на три года? – рассмеялась Алиса, и Бекки мгновенно представила, как светловолосая сестра удобно устроилась на диване, пока Фредди колдует на кухне. Отличный умелый ветеринар, он обожал готовить.

И еще больше обожал Алису. Он влюбился в нее с первого же взгляда, а Бекки еще долго не могла поверить, что собранный и постоянно ушедший с головой в учебники сокурсник может влюбиться в ветреную модель, годами не открывающую книг. Но она ошиблась.

Из них получилась наихappyливейшая пара.

– Со мной все в порядке, – отрезала Бекки, решив отложить разговоры о закрытии клиники и протекающей крыше на потом. – Я не стану выходить в метель в пижаме, а ко мне сюда уж точно никто не заберется. – Улыбнувшись, она осмотрела обшарпанную обстановку. – Все местные знают, что я храню ценности в банке.

Старая одежда, заляпанные грязью резиновые сапоги, набор инструментов, чтобы чинить бесконечные поломки, неизбежная коллекция теплых шерстяных шапок... Да кому вообще придет в голову красть подобные сокровища?

– Просто я подумала, что ты можешь нас навестить и немного развеяться. Когда ты приезжала на Рождество, у нас было слишком шумно илюдно, и у меня такое чувство, словно я тебя уже много лет не видела! Хочу, чтобы как раньше, когда мы были младше... только ты и я... Ну и Фредди.

– Извини, я сейчас очень занята. Ты же знаешь, как это бывает перед сезоном ягнения. Куда ни помотришь, всюду взволнованные беременные овцы... Но обещаю, как только смогу, сразу приеду.

Меньше всего ей сейчас хотелось говорить о Фредди. О парне, с которым она познакомилась в университете и сразу же влюбилась, но он этого так и не понял и стал ей замечательным другом, а потом сам безумно влюбился в ее сестру и едва ли не сразу же сделал ей предложение.

О парне, разбившем ее сердце.

– Дорогая, у нас с Фредди есть новости, и мы бы хотели сообщить их тебе лично.

– Что? Что случилось? – Мгновенно напрягшись, Бекки придумала десяток катастроф.

– У нас будет ребенок! Разве это не потрясающе?

Точно. Потрясающе и великолепно. И именно к этому у сестры все и шло с той самой секунды, когда она сказала «да», и Фредди надел ей на палец золотое кольцо.

Бекки радовалась за сестру. Действительно радовалась. Но устроившись на кухне в один из редких воскресных вечеров, когда ей не нужно было дежурить в клинике, она вдруг с необычайной остротой ощутила свалившуюся на нее тяжесть принятых решений.

Где все те клубы, в которых она должна была бы сейчас развлекаться? Где бесконечные захватывающие романы, страстные поклонники, интригующие сообщения? Стоило Фредди влюбиться в ее сестру, как сама она закрыла сердце для любви. В отличие от Алисы она всю юность не вылезала из книг, точно зная, кем хочет стать, а родители всячески поддерживали выбранный ею путь. Бекки выросла в семье учителей и всю жизнь была хорошей и старательной. В отличие от длинноногой красотки Алисы, которая быстро поняла, что излишняя ученость ей ни к чему, а родители не стали ее ни к чему принуждать.

И пока Бекки училась, сестренка всюю развлекалась.

– Каждый имеет право прожить свою собственную жизнь так, как ему этого хочется, – любила повторять мама.

Оказавшись же в восемнадцать лет в университете, Бекки вдруг поняла, что упорная учеба совсем не подготовила ее к развеселым вечеринкам, бесконечным прогулам и ночным приключениям.

Она просто не умела наслаждаться обрушившейся на нее свободой, зато очень быстро влюбилась в однокурсника-ветеринара.

Фредди, так же как и она сама, всю юность провел за книгами и стал ей настоящим другом, но она была слишком скромна и застенчива, чтобы перевести отношения на новый уровень, поэтому просто ждала.

И правильно делала. Потому что иначе он ее отверг бы. Оказалось, что парень, которого она считала своей второй половинкой и мечтала, как проведет с ним всю оставшуюся жизнь,

расценивал ее исключительно в качестве друга. Бекки считала, что он идеально ей подходит: серьезный, трудолюбивый, разумный, твердо стоящий на земле...

Сам же он не искал в женщине схожих качеств.

Ему нужен был кто-то яркий и легкомысленный. Кто-то, кто отбросит его книги и усядется к нему на колени. Высокая красавица блондинка, а не маленькая пышная брюнетка. Он не хотел серьезности.

Наблюдая за падавшими в сгустившемся сумраке снежинками, Бекки в очередной раз гадала, права ли была, вернувшись в Котсуолд. Ведь теперь она с легкостью может представить, как и через десять лет будет сидеть в этом же доме, работая в местной клинике... А ее младшая сестренка ее жалеет. Сама того не заметив, она превратилась в нечто жалкое, в нечто такое, что вызывает лишь сочувствие...

Но дом разваливается.

И всего через пару месяцев она останется безработной.

Так что хочет она того или нет, но ей в любом случае придется что-то менять. Например, оставить провинцию и перебраться в город. Бекки снова окажется на коне.

От одной этой мысли у нее разом закружилась голова.

К счастью, в эту минуту в дверь позвонили, и Бекки едва ли не впервые обрадовалась, что в редкие свободные минуты ее помощь требуется очередному больному животному. Впрочем, сейчас бы она обрадовалась любому поводу отвлечься от мрачных раздумий.

Направляясь к двери, она подхватила ветсумку и теплую непромокаемую куртку.

Открывая дверь, она уже надела теплую шапку, обула один сапог и засунула в карман ключи от машины.

Потянувшись за сумкой, она опустила глаза и замерла, уставившись на обувь, что просто не могли принадлежать фермеру. Коричневые туфли из мягкой кожи.

И брюки.

Дорогие, светло-серые, шерстяные. Совершенно не практичные. За которыми следовали столь же дорогое черное расстегнутое кашемировое пальто и облегающий великолепное мужское тело мягкий свитер.

– Собираетесь в ближайшее время окончить инспекцию? Я уже промок.

Резко подняв глаза, Бекки снова замерла, не в силах вымолвить ни слова, и лишь молча разглядывала самого красивого парня, что ей когда-либо доводилось видеть.

Черные чуть длинноватые волосы обрамляли точеное лицо с огромными серебристо-серыми глазами, что сейчас пристально ее разглядывали.

Бекки мгновенно очнулась.

– Две секунды. – Обув второй сапог, она задумалась, пригодится ли ей сумка. Вряд ли. Да и незнакомец совсем не походил на фермера, так что рожающие овцы ей сегодня не грозят.

Скорее всего, перед ней сейчас один из горожан, чьи поместья раскиданы в округе. Приехал на пару недель отдохнуть со столь же неуместно одетыми друзьями и домашними питомцами, и одному из этих питомцев стало плохо.

Что ж, бывает. Но когда же горожане наконец поймут, что стоит привычным к пуховым перинам и постоянному уходу зверушкам вдохнуть деревенский воздух, как они разом сходят с ума?

А когда потрепанные зверушки возвращаются к хозяевам, вывалявшись в грязи и истекшая кровью, те просто не знают, что им делать. Бекки уже даже не помнила, сколько раз ей приходилось утешать рыдающих хозяев, чьи питомцы всего лишь немного испачкались и порезали лапу.

Правда, судя по холодному взгляду серых глаз, этот человек не склонен к излишнему драматизму, но кто знает, внешность бывает обманчива.

– Готово! Едем прямо сейчас, иначе в снегу утонем. Указывай путь, я поеду следом.

– Следом? Зачем тебе куда-то за мной ехать?

Бекки невольно отметила, что низкий бархатистый голос великолепно подходит незнакомцу.

– Кто вы?

– Отлично. Представления. Похоже, дело сдвинулось с мертвой точки. Если еще и зайти меня пригласить, то вообще можно сделать вид, что нормальность вновь правит миром.

Точно. Потому что сейчас происходит что-то совсем ненормальное.

Последние четыре с половиной часа Тео Рашин провел на второй передаче, маневрируя по чудовишно узким улочкам при все ухудшающейся погоде, проклиная себя за то, что ему вообще пришлось в голову сесть в машину, чтобы самому разобраться с тем, с чем вполне могли бы справиться и его сотрудники.

Но дело было личным, и он не хотел никому его перепоручать.

Правда, совсем простым. Он всего лишь хотел купить коттедж, в который его до сих пор не удосужились пригласить.

Никаких особых сложностей не предвиделось. В конце концов, у него есть деньги, а затерянный в глуши коттедж до сих пор принадлежал той же паре, что когда-то его и купила. Что само по себе можно расценивать как чудо. Да и сколько может выдержать одна семья вдали от цивилизации, где нечем развлекаться, кроме как бродить по бесконечным полям? Эти люди долго держались, но, если верить источникам, решили к старости перебраться поближе к городу...

Осталось всего лишь обговорить цену.

Коттедж ему нужен, и он его получит. Потому что это единственное, что еще может хоть как-то оживить его мать.

Разумеется, если не считать навязчивого желания его женить. Желания, которое лишь усилилось после перенесенного пару месяцев назад удара.

Но этому никогда не бывать. Для этого он слишком хорошо знал разрушительную силу любви, годами наблюдая, как постепенно угасает мать после внезапной смерти отца. А ведь тогда они были в самом расцвете сил, и перед ними лежала вся жизнь, которой они могли бы наслаждаться вместе со своим единственным сыном... Тогда ему было всего семь, но главное он понял. Если бы мать не вложила всю себя в хрупкую, эфемерную любовь, она не провела бы все оставшиеся десятилетия, влача жалкое существование, которое при всем желании не получалось назвать настоящей жизнью.

Так что сам он как-нибудь прекрасно обойдется без великой силы любви. Правда, сама мать никак не могла понять его позиции, и он уже давно перестал пытаться ей что-то объяснять. Раз ей так нравится мечтать, как однажды он встретит идеальную незнакомку и будет с ней счастлив до конца жизни, что ж, ее право, но он в этом участвовать не собирается. А заодно больше не будет представлять ей своих несовершенных подруг, которые все равно, как он уже неоднократно убеждался, никогда не дотягивали до ее начальных требований.

И теперь вся надежда лишь на коттедж...

Лавандовый коттедж. Первый дом родителей. Дом, в котором его зачали и откуда после смерти отца сбежала мать. Туман... Мчащийся грузовик... У ехавшего на велосипеде отца просто не было шансов.

В одночасье Марита Рашин стала молодой вдовой и так и не сумела оправиться. Ни один мужчина не мог сравниться с идеальным призраком отца. Она по-прежнему оставалась невероятно красивой, но, глядя на нее, никто уже больше не замечал прекрасных черных глаз и длинных шелковистых волос. Все видели лишь вселенскую печаль жившей одними воспоминаниями женщины.

Недавно же она захотела вернуться туда, где жили эти воспоминания, чтобы наконец-то обрести покой. И особенно необходимо это возвращение стало после удара. Оно должно было стать важной частью терапии.

Последние полтора месяца мать жила рядом с сестрой в Италии, внезапно решив порвать с Англией.

– Тебя все равно почти никогда нет, – жаловалась она пару недель назад, и Тео нечего было возразить. – Да даже если и есть, я же все равно всего лишь стареющая мать, которую ты обязан навещать. У меня же никогда не будет невестки и внуков, о которых мечтает каждая женщина в моем возрасте. Зачем мне сидеть в Лондоне? Да живи я хоть в Тимбукту, на нашем общении это никак не скажется.

Тео искренне любил мать, но жену и детей все равно заводить не собирался.

Если бы он мог хоть на секунду поверить, что мать будет счастлива на вилле, что он купил ей шесть лет назад в стране, в которой она родилась и выросла и где до сих пор жила ее сестра, он бы с радостью все оставил как есть. Но когда мать раз в две недели навещалась в Лондон, он ясно видел ее облегчение, да и все эти бесконечные рассказы о любящей командовать Флоре...

Прямо сейчас, пока мать только восстанавливалась, Флора была полна любви и заботы, но стоит матери объявить, что она намерена там остаться, как Флора мгновенно превратится в несносную старшую сестру.

– Зачем ты одеваешься? – удивленно спросил он, наблюдая за жительницей коттеджа. Разглядывая маленькую пышную брюнетку с приятными округлостями, Тео невольно отметил редкий оттенок бирюзовых глаз. – И ты до сих пор не представилась.

– Не думаю, что сейчас время для светских бесед. – Моргнув, Бекки заставила себя собраться, напомнив себе, что перед ней всего лишь очередной беспомощный турист. К тому же в прихожей становилось все холоднее и холоднее, а на улице все гуще валил снег. – Я поеду с вами, но потом вам придется отвезти меня обратно. – Проскользнув мимо незнакомца, она уставилась на красный «феррари». – Только не говорите, что приехали на этом!

Тео обернулся на каким-то неведомым образом проскользнувшую мимо него женщину. Руки уперты в бока, съехавшая на глаза шерстяная шапка...

Да что вообще происходит? Он явно упустил нечто важное и нужно начинать разговор сначала.

– Что-что? – Отлично. Ничего лучшего он придумать не смог, хотя еще ни разу до этого не чувствовал нехватки слов, да и вообще один его взгляд порой бывал выразительнее самых продуманных аргументов.

– Ты совсем спятил? – выдохнула Бекки едва ли не с облегчением. Как же, оказывается, приятно чувствовать себя матерым ветеринаром и злиться на городского недотепу, не представляющего себе деревенской жизни. – Ни за что не сяду туда с тобой. Просто не верится, что ты вообще сюда приехал! Головой ты думать не пробовал? Не нужно быть гением, чтобы сообразить, что на наших дорогах такой дурацкой машинке не место!

– Дурацкой машинке?

– Да даже мне порой непросто преодолеть заносы, хотя у меня разумная машина!

– Эта дурацкая машинка – одна из лучших моделей «феррари» и стоит больше, чем ты зарабатываешь за год. – Тео недовольно взлохматил волосы. – И я вообще не представляю, зачем тебе понадобилось выбегать на улицу под снегопад, чтобы поговорить о машинах.

– Ну а как мы попадем к твоему питомцу, если никуда не поедем? Или у тебя в кармане спрятан вертолет?

– Питомцу? Какому еще питомцу?

– К твоей кошке!

– Нет у меня никаких кошек. Да и зачем они мне? Но даже если бы и были, ты-то к ним какое отношение имеешь?

– То есть ты приехал не затем, чтобы вызвать меня к больному животному?

– Ты ветеринар. – Потрепанная сумка, целый ворох теплой одежды, сапоги, чтобы пробираться сквозь грязь... Все резко обрело смысл.

Тео приехал, чтобы осмотреть коттедж и договориться о цене за дом, который убитая горем мать продала за бесценок. И он намеревался за тот же бесценок его выкупить. Осмотреть, объявить развалюхой и назначить низкую цену.

– Точно. Но раз животных у тебя нет и моя помощь тебе не нужна, что ты тут вообще забыл?

– Да сколько можно? На улице холодно. Я отказываюсь разговаривать на пороге.

– Боюсь, я не хочу приглашать тебя в дом. – Прищурившись, Бекки разглядывала возвышавшегося над ней незнакомца. В ней самой было всего метр пятьдесят четыре сантиметра, и непонятный широкоплечий горожанин буквально над ней нависал. А вздумай она позвать на помощь, ее криков никто не услышит. Разумеется, если ей вообще понадобится помощь.

Тео мгновенно вскипел. Еще никто и никогда не осмеливался так с ним обращаться. И уж тем более женщина.

– И что же ты тогда предлагаешь?

– Я вас не знаю. – Бекки упрямо вздернула подбородок, едва ли не впервые в жизни по-настоящему ощущая свое тело, ощущая себя женщиной, ощущая грудь с напрягшимися под бюстгалтером сосками. И это несмотря на бесконечные слои теплой одежды! Так странно... – Вы можете оказаться кем угодно. Сперва я решила, что вашему животному требуется моя помощь, но раз это не так, кто вы такой и что вам от меня нужно? И с чего вы взяли, что я впускаю вас к себе домой?

– К вам домой? – Серые глаза незнакомца прошли по коттеджу и соседним полям. – А не слишком ли вы молоды, чтобы владеть таким огромным домом?

– Я старше, чем кажется. Но в любом случае вас это не касается. Это дом моих родителей, за которым я приглядываю, пока их нет, и не собираюсь впускать сюда кого попало. Если уж на то пошло, я даже не знаю, как вас зовут.

– Тео Рашин. – Картинка потихоньку начинала вырисовываться, правда, он рассчитывал на встречу с самими владельцами. И пусть он ничего конкретного и не планировал, но одно знал точно: люди, воспользовавшиеся горем его матери, не имеют права на снисхождение.

Он приехал сюда с чековой книжкой, но, раз правомочных владельцев тут нет, она пригодится ему не больше трехфунтовой банкноты, потому что эта бойкая ветеринарша в любом случае не имеет права ничего решать.

Даже более того, судя по всему, она из тех, кто вполне может откусить руку с протянутым чеком ну или хотя бы убедить родителей содрать с него тройную сумму...

Да и вообще... Как-то он привык к ублажающим его женщинам, а эти настороженно прищуренные глаза да общий язык тела, как две капли воды напоминающий повадки сторожевой собаки, что вот-вот бросится защищать доверенное ей имущество...

Тео сразу понял, что сейчас не самое удачное время объявлять о своей цели.

Скажи он что-нибудь в духе: «Я приехал купить этот дом, и уже через полтора месяца вы останетесь без крыши над головой», и ничем хорошим это для него не закончится.

Коттедж ему нужен, и он его обязательно получит, но, похоже, здесь стоит действовать не в лоб, а проявить немного изобретательности.

Тео вдруг почувствовал неожиданный прилив адреналина.

За последние годы он столько достиг, что уже ничто не дарило ему ощущения настоящей борьбы и победы. Потому что, когда желаемое становится слишком доступным, оно перестает быть по-настоящему желанным. Если за обладание не приходится отчаянно бороться, то

и удовлетворение не несет за собой ничего, кроме пустоты. Тео вдруг понял, что то же самое можно сказать и про женщин.

За этот же коттедж ему явно предстоит побороться, и это не может не радовать.

– И я здесь... – Тео задумчиво взглянул на темное небо и тучи. Он собирался приехать днем, но из-за непредвиденных осложнений добрался лишь к вечеру, сейчас же уже совсем стемнело, а в округе не было ни одного фонаря.

Тео снова сосредоточился на стоящей перед ним тщательно закутанной женщине, что с легкостью простоит тут еще пять часов и не замерзнет. Сам же он вообще не собирался покидать Лондон и, очутившись посреди тундры, оказался совершенно не готов к тихому нашествию стихии. Кашемировое пальто отлично подходило для Лондона, но здесь...

Дожидаясь какого-либо ответа, прежде чем окончательно выпроводить незнакомца, Бекки невольно продолжала его разглядывать. Ну как можно вообще быть таким красивым? Когда-то давно, когда она была без ума от Фредди, она любила его разглядывать, наслаждаясь простым лицом и добрыми собачьими глазами...

Но ничего подобного она вообще никогда не испытывала. А в игре теней было нечто магическое и завораживающее. В этом лице вообще не было ничего, что можно было бы назвать простым или добрым, но она все равно не могла отвести от него глаз.

– Да? – Она стиснула упакованные в теплые варежки руки в кулаки в карманах непромокаемого анорака с флисовой подкладкой. – Ты здесь потому, что...

– Заблудился. – Широко разведя руки, он как бы напоминал об окружавших их необъятных просторах. – Заблудился, и ты права: эта машина не слишком подходит, чтобы блуждать по снегу и льду. Я не... привык к проселочным дорогам, а навигатор так и не смог привести меня к намеченной цели.

Заблудился. Вполне возможно. Стоит лишь съехать с шоссе – и ты оказываешься во власти бесконечных разбегающихся во все стороны дорожек, с которыми не всегда могут справиться и лучшие картографы.

Но это все равно не отменяет того, что они здесь одни, и она его совершенно не знает.

Незнакомец явно прочитал ее мысли.

– Слушай, я понимаю, что тебе может быть боязно, если ты совсем одна... – А никаких возвращающихся парней или мужей явно не предвидится. – Но тебе не из-за чего беспокоиться. Я прошу впустить меня лишь из-за все ухудшающейся погоды, потому что если я снова сяду в машину и попытаюсь выехать на шоссе, то у меня есть все шансы заночевать посреди поля.

Бекки взглянула на покрытую снегом непрактичную спортивную машину.

Может ли ее совесть спокойно смотреть, как он уезжает куда-то в ночь, где его гарантированно ждет авария? А что, если это глупое приключение закончится серьезной травмой? Или обморожением? Его одежда же ничуть не практичнее дорогой, но совершенно бесполезной сейчас машины!

– Одна ночь, – объявила она. – А с утра пораньше я прослежу, чтобы тебя вернули в цивилизацию, а что станет с твоей машиной, меня вообще не интересует.

– Одна ночь, – согласно кивнул Тео.

Бекки вдруг стало не по себе.

Одна ночь. Она приютит его всего лишь на одну ночь.

Разве это может привести к чему-то плохому?

Глава 2

Стоило незваному гостю зайти внутрь, как в доме стало подозрительно тесно. Когда он сходил к машине и вернулся с одним лишь ноутбуком, Бекки недоверчиво на него посмотрела.

– И все?

– Ты до сих пор не представилась. – Тео никогда не был экспертом по ремонту, но с первого взгляда понял, что все здесь держится на последнем издыхании. Не сводя с молодой женщины глаз, он неторопливо снял пальто.

– Ребекка. Бекки. – Глядя, как он небрежно вешает пальто на один из крючков, она невольно оценила подтянутые мышцы оставшегося в одном свитере мужчины.

Отлично. После Фредди она полностью замкнулась в себе, общаясь лишь со старыми друзьями, что, как и она сама, вернулись в прекрасный Котсуолд, правда, сделали они это, обзаведясь мужьями и женами, и лишь затем, чтобы растить своих собственных малышей. Не то чтобы она специально отваживала парней, но их тут было немного, да и сами они не слишком к ней лезли. Дважды ее приглашали на свидания, но оба раза она решила, что дружба важнее гипотетического романа.

Да и вообще, думая о самой возможности отношений, она хотела разумного, заботливого парня, а таких уже давно разобрали. Звавших же на свидания мужчин она знала с детства и отлично понимала, что один из них пригласил ее лишь затем, чтобы хоть как-то отвлечься от прежней разбитой любви, второй же был достаточно мил, но для настоящих отношений этого мало.

Или ни к чему так привередничать? Но когда ты слишком долго один, неизбежно начинаешь осторожничать, оберегая личное пространство.

Ладно, в любом случае в ближайшее время ее ждут огромные перемены, и, впустив Тео в дом, она устроит себе эдакую тренировку выхода из зоны комфорта. К тому же, даже несмотря на то, что она впервые видела этого человека, она чувствовала, что он не причинит ей физического вреда.

Да и вообще, глупо думать, что такой мужчина может захотеть от нее чего-то большего, нежели временного укрытия от непогоды.

– Пойдем покажу тебе свободную комнату. – Поймав себя на том, что снова его разглядывает, Бекки слегка покраснела. – Правда, я в них не топлю, но сейчас включу обогреватель, она быстро прогреется. А ты пока можешь принять душ.

– С удовольствием. Только у меня нет сменной одежды. Можешь мне что-нибудь одолжить? Рабочая одежда мужа? Что-нибудь оставшееся от парня?.. – Тео невольно задумался: собирается ли она снимать анорак и заляпанные грязью сапоги? Он еще ни разу не встречал столь немодно одетой женщины, но при этом было в ней что-то такое, что...

Глаза, спрятанные под шапкой волосы, отсутствие боевого раскраса...

Непонятно почему рядом с ней он вдруг почувствовал себя необычайно живым.

Или все дело в том, что он уже очень давно не оказывался в обществе женщин, что не пытались изо всех сил привлечь его внимание? Новизна всегда притягательна.

– Хорошо. – Бекки переступила с ноги на ногу. В анораке было безумно жарко, но почему-то ей совершенно не хотелось раздеваться перед ним до джинсов и кофты. – В комнате, где ты будешь ночевать, в шкафу есть старая отцовская одежда, можешь взять что-нибудь. А если оставишь свою одежду перед дверью, я засуну ее в стиральную машинку.

– Это не обязательно.

– Ты насквозь промок. Если одежду высушить, не постирав, она будет пахнуть.

– Тогда придется принять твое предложение.

С необычайной остротой чувствуя на себе его взгляд, Бекки повела гостя наверх, старательно не обращая внимания на капающую в ведро воду. И как она только додумалась поселиться одна в этом огромном доме с пятью спальнями и кучей хозяйственных пристроек? И почему родители согласились ее сюда пустить? Из жалости? Пусть они и не знали о Фредди и ее разбитом сердце, но должны же были они о чем-то догадаться, когда она внезапно вернулась и заявила, что хочет жить в отчем доме, пока давно упорхнувшая из гнездышка Алиса всю строила планы на будущую счастливую жизнь?

Бекки поморщилась.

Родители никогда ее не выгонят, но у них самих денег немного. Они скопили достаточно, чтобы после смерти бабушки купить крошечный домик во французской деревушке, но до сих пор оба продолжали работать, давая по несколько уроков в день в местной школе.

С одной стороны, таким способом они отлично вписались в новое для них окружение, но с другой, что, если они поступили так лишь ради денег?

А сама она живет в этом огромном доме, платя им символическую плату и наблюдая, как все здесь разваливается на куски...

Она вдруг впервые поняла, насколько эгоистично себя ведет.

Но, лишившись работы, она в любом случае должна будет серьезно изменить образ жизни...

Разглядывая Бекки, Тео пытался понять, о чем она сейчас думает. Да и нельзя было не заметить, как привычно она переступила через ведро, в которое сквозь протекающую крышу капала вода.

Сколько бы удовлетворения ни приносила ей работа, все равно странно, что такая молодая женщина решила жить в подобной глуши, и уж тем более странно, что она обосновалась в настолько обветшавшем доме.

Похоже, купив коттедж и выставив ее в реальный мир, он лишь сделает ей одолжение.

Пускай живет настоящей жизнью, вместо того чтобы прозябать здесь, прячась от всего вокруг.

Ведь именно этим она и занимается, верно же?

Но отчего именно она тут прячется?

Тео мысленно усмехнулся. С каких это пор его волнуют такие мелочи?

Правда, раз он собрался вести скрытую игру, чтобы незаметно убедить ее, что ей самой выгодно продать ему коттедж, разве не стоит сперва хоть немного о ней узнать?

Разумеется, можно вообще обойтись без всяких игр и напрямую связаться с ее родителями, сделав предложение, от которого они не смогут отказаться. Но на этот раз ему для разнообразия почему-то не хотелось выбирать короткий путь. Было в ее настороженности нечто такое трогательное... К тому же Тео давно убедился, что деньги далеко не всегда открывают двери, которые ему бы хотелось открыть. И если он будет игнорировать эту женщину и начнет торговаться с ее родителями, они вполне могут объединиться в своем упрямстве, и тогда он ни за какую сумму не получит этот дом. Кому, как не ему, знать, сколь сильна может оказаться семейная верность? Разве не именно она и привела его в этот полуразвалившийся коттедж?

Включив допотопный обогреватель, Бекки открыла шкаф, демонстрируя поношенную одежду, потом принесла полотенце и объяснила, как пройти в ванную на первом этаже, дав подробные инструкции, как обращаться с душем, если он не хочет получить ожоги третьей степени.

Сделав два шага вперед, Тео замер так близко, что она невольно вдохнула густой мужской аромат, смешанный с запахом морозного вечера, и у нее сразу же закружилась голова. А еще ей захотелось спросить, откуда он, потому что было в нем что-то непривычное, что-то завораживающее...

Стоило ему закатать рукава свитера, как Бекки невольно отметила темные волосы и игравшие под кожей мышцы.

Почему ей вдруг стало так тяжело дышать?

– Не понимаю, почему ты тут живешь?

– Ч... Что?

– Дом явно нуждается в ремонте, я бы понял, если бы родители хотели, чтобы ты присмотрела за рабочими, но... Я могу называть тебя Бекки? В коридоре ведро. Сколько ты собираешься таскать его туда-сюда, прежде чем признаешь, что крышу пора чинить?

Бекки сама непрерывно обо всем этом думала, так что замечание Тео попало точно в цель.

– Состояние дома тебя не касается! – Она так разозлилась, что у нее даже щеки покраснели. – Ты здесь всего на одну ночь, да и то потому, что меня совесть замучила бы, укажи я тебе на дверь. Но это еще не дает тебя права... права...

– Говорить?

– Ты не говоришь, ты...

– Наверное, я просто сказал то, что ты и так знала, но на что предпочитала закрывать глаза. – Тео пожал плечами, поражаясь, насколько мало в ней желания произвести на него впечатление.

– Я буду внизу, – выпалила Бекки, не в силах произнести ничего более связного. Откуда вообще только берутся такие грубияны?!

Но он прав.

Что ж, похоже, нахальный незнакомец был именно тем, что нужно, чтобы она наконец собралась с силами и позвонила родителям. Пройдя на кухню, она плотно закрыла дверь. Дом пора продавать, но сами они никогда этого прямо не скажут.

Но... но... но...

Этих «но» было столько, что к концу пятнадцатиминутного разговора Бекки твердо верила, что совсем скоро у нее не будет не только работы, но даже протекающей крыши над головой.

Пытаясь собраться с мыслями и прийти в себя, она пошла наверх. Что будет, если она не сумеет найти новую работу? Она же профессионал в очень специфической области. И что будет, если новое место окажется в еще более удаленной деревне? Согласна ли она провести несколько лет где-нибудь в шотландской глубинке? Но что ей еще остается, если в Лондоне, Манчестере и Бирмингеме не окажется подходящих вакансий?

Да и оставшееся после разговора с сестрой чувство неудовлетворения...

Когда-то перед ней лежал весь мир... А теперь ей кажется, что она впустую потратила тут время. Вместо того чтобы двигаться вперед, она оставалась на месте.

Оторвавшись от мрачных мыслей, она с раздражением обнаружила, что незваный гость так и не удосужился оставить перед дверью мокрую одежду.

Неужели этот нахал вообразил, что здесь отель?

Что она, как какая-то горничная, будет терпеливо дожидаться, пока он соизволит выдать грязное белье для стирки? Да она вообще не обязана ничего ему стирать! А что, пусть едет по своим делам в мокрых брюках, воняющих затхлым озером...

Наверняка этот горожанин страдает комплексом собственной значимости и считает, что всегда и везде может поступать так, как ему вздумается. И говорить все, что придет в голову. Принимать ее гостеприимство и при этом спорить просто для того, чтобы позабавиться.

Разумеется, Бекки не имела ни малейшего представления, кто этот человек, но было в нем что-то помимо спортивной машинки и дорогой дизайнерской одежды, что так и кричало о его богатстве.

Или о силе.

Но в любом случае ни то ни другое не произвело на нее особого впечатления. Она никогда не станет тратить время на того, кто считает, что все в жизни сводится к деньгам, и только к деньгам. Не так ее воспитали.

Важно лишь то, что внутри. И пусть Фредди и оказался не для нее, Бекки все равно твердо верила, что рано или поздно встретит кого-то доброго, умного и заботливого.

Только пока она годами отказывается ходить на свидания, вряд ли у нее что-то получится, и она так и будет прозябать в одиночестве, пока подруги находят свое счастье.

Утонув во внезапном приступе жалости к самой себе, Бекки резко распахнула неплотно закрытую дверь гостиной спальни и... замерла, вцепившись в ручку.

Не зная, куда деть глаза, она все равно понимала, что, куда бы ни посмотрела, везде увидит Тео. Высокого мускулистого красавца с бронзовой кожей, шестью кубиками пресса и накачанными ногами атлета.

На нем не было ничего, кроме боксеров.

Открыв рот, Бекки попыталась что-то сказать, но смогла выдавить из себя лишь пару нечленораздельных звуков.

– Я как раз собирался положить одежду перед дверью.

Оказывается, под шерстяной шапкой скрывалась буйная копна кудрей, а под бесчисленными слоями зимней одежды...

Да и не такая уж она и кругленькая, как ему сперва показалось. Под свободной кофтой Тео легко разглядел идеальную фигуру в форме песочных часов. Что ж, похоже, сюда мода на атлетичные тела еще не добралась.

Чувствуя, как сильно его манят к себе пленительные изгибы, Тео торопливо отвернулся, чтобы скрыть эрекцию.

Он на нее пялится. Не в силах пошевелиться, Бекки застыла на месте, необычайно остро ощущая собственное тело. Почему он так ее разглядывает? И осознает ли это сам?

Только она не вчера родилась, чтобы возомнить, что он нашел ее неотразимо прекрасной. Модель из нее никогда не выйдет. Внешность досталась Алисе, а сама она получила от родителей мозги и всегда считала такой дележ достаточно честным.

К счастью, Тео быстро отвернулся и натянул старые брюки и свитер ее отца, а когда снова на нее посмотрел, Бекки невольно задумалась, не померещился ли ей тот пристальный взгляд, которым он буквально пожирал ее тело.

Черт, конечно же померещился. Это она на него пялилась, потому что он сложен словно древнегреческий бог, сама же она прямо-таки олицетворяет собой посредственность.

Стоит ли ей за себя опасаться? В конце концов, в доме они совершенно одни...

Но никакой угрозы она не чувствовала, а чувствовала... возбуждение. Внутри вдруг проснулось что-то дерзкое и необузданное, и она торопливо затолкала это нечто в самый дальний уголок.

– Одежда. – Она наконец-то сумела справиться с голосом и протянула руку: – Я прослежу, чтобы к утру все было сухим и чистым.

– Прежде чем выставишь меня за дверь, – протянул Тео, все еще борясь с не к месту проснувшимся либидо.

Просто не верится, что эта женщина так торопится от него избавиться.

И заметила ли она, что между ними только что что-то случилось? Или разряд тока коснулся лишь его одного? Но он же видел, как расширились ее зрачки, а сама она замерла, словно боялась, что одно неосторожное движение может привести к... чему-то необдуманному.

А здесь вообще бывает хоть что-то необдуманное? Тео невольно задумался. Или она именно от чего-то необдуманного тут и прячется? Может ли эту неуклюжую ветеринаршу мучить совесть за былые грехи? Воспылала ли она односторонней любовью к негодяю? К жена-

тому мужчине? Или это был отъявленный бабник, который использовал ее и сразу бросил? Всех вариантов не счесть.

Но что бы ее тут ни держало, это точно не деньги. Ведро в коридоре ясно это показало. Пусть она и живет тут бесплатно, но она явно зарабатывает недостаточно, чтобы привести это место в порядок. Да и вообще, содержание старого дома требует огромных вложений.

– А что, если к утру метель не стихнет?

Сжимая в руках одежду, словно какой-то заветный талисман, Бекки не сводила с него огромных бирюзовых глаз, а когда она облизнула чуть приоткрытые губы, Тео лишь с трудом сдержал порыв шагнуть вперед и привлечь ее к себе.

– Стихнет.

– А если нет? Моей жизнью ты рисковать не готова, но что, если вызвать кого-то, кто смог бы доставить меня в город?

– Я сама могу тебя отвезти. У меня полный привод.

– Знаешь, когда я постучал в дверь, совсем не ждал, что откроет кто-то вроде тебя.

– Что значит «кто-то вроде меня»? – Сочтя эти слова завуалированным оскорблением, Бекки мгновенно напряглась.

Не отвечая, Тео продолжал пристально вглядываться в ее лицо, так что она снова смутилась, покраснела и отвернулась. Но он, поймав за подбородок, осторожно заставил ее снова на себя посмотреть.

– Почему ты так настороженна?

– А тебя это удивляет? Я же совсем тебя не знаю. – Прохладные пальцы жгли лицо, словно раскаленные угли.

– А что я, по-твоему, могу сделать? Говоря «кто-то вроде тебя», я имел в виду возраст. Ты молода, а я рассчитывал, что в такой глуши встречу кого-то гораздо старше.

– Я же уже сказала. Дом принадлежит моим родителям. А я здесь... Слушай, я пойду вниз, постираю одежду... – Но голове не удалось договориться с ногами, поэтому, вместо того чтобы развернуться и уйти, она, как приклеенная, осталась стоять на месте.

Бекки хотела, чтобы он убрал руку... хотела, чтобы он продолжал ее держать, чтобы погладил по лицу, а потом спустился ниже, на плечи, живот, грудь... И уж точно она не хотела ничего слушать, но его слова были вполне разумны...

Она едва узнала свой собственный голос, а тело вообще перестала узнавать.

– Ладно. – Опустив руку, он слегка отстранился.

Быстро выскочив в коридор, она наконец-то пошла вниз, на кухню, а когда к ней присоединился Тео, она уже запустила стиральную машинку и взяла себя в руки.

Застыв на пороге, он наблюдал, как она режет овощи под прогноз погоды, в котором диктор подробно рассказывал, где и какие районы завалило снегом в ту пору, когда кругом уже должна вовсю царить весна.

По дороге на кухню он успел заглянуть в пару комнат и убедился, что все именно так, как он и представлял, увидев ведро и протекающую крышу.

Дом буквально разваливается на части. К тому же разве можно его винить за то, что, прежде чем сделать предложение, он тщательно изучает состояние предмета торга? Разумеется, нет. Он приехал сюда по делу, и пусть все пошло немного не так, как он рассчитывал, принципиально все равно ничего не изменилось.

Можно ли расценивать чистящую овощи женщину как часть сделки? Разумеется. В некотором роде.

Стыдно ли ему за столь прагматичные взгляды? А с чего вдруг? Такова уж его натура, что всегда помогала заключать сложнейшие сделки и выходить сухим из воды.

Стоит лишь пойти на поводу у чувств, как сразу же станешь жертвой обстоятельств.

А он никогда и ни за что не станет жертвой. У матери столько всего было, но она позволила горю себя сломить и определить всю ее дальнейшую судьбу. И не поэтому ли она так хочет его женить и увидеть внуков?

Потому что, несмотря ни на что, в ней все равно осталась потребность отдавать то, что у нее есть, но, кроме самого Тео, ей не на кого ее излить.

Вот что творят с людьми чувства. Лишают их способности думать. Именно поэтому он никогда ни к кому не привязывался и не собирался этого делать. Привязанности влекут за собой отношения, а отношения почти гарантированно приводят к катастрофам. А адвокаты неплохо на них зарабатывают.

Свою же жизнь он полностью контролирует и весьма этим доволен.

Что бы там у Бекки ни случилось, но он почти не сомневался, что здесь она оказалась именно из-за сердечных дел. Но у него к таким историям иммунитет, так что он смело может вывести у нее всю подноготную и убедить, что здесь ей не место. И когда в конечном счете дом продадут, у нее уже не будет ни сил, ни желания его отвоевывать.

А он к этому времени уже давно исчезнет, оставшись в ее памяти простым незнакомцем, что случайно переночевал под ее крышей. Но слова его она запомнит, а потом еще и мысленно поблагодарит.

Потому что это место ей совершенно не подходит. Это не здорово. И она слишком молода.

Он задумчиво разглядывал аппетитную попку.

Слишком молода и слишком сексуальна.

– Что готовишь?

Обернувшись, Бекки увидела застывшего на пороге Тео. Отец был ниже и костлявее, так что гостю одежда оказалась маловата. И еще он пришел босиком.

– Ничего особенного. Макароны. Можешь помочь. – Когда он подошел, она указала на лук и нож. – Ты задаешь много вопросов, но о себе совсем ничего не говоришь.

– Спрашивай.

– Где ты живешь?

– В Лондоне. – Тео даже не помнил, когда ему в последний раз приходилось резать лук. Неужели это всегда так нудно и неудобно?

– А в наших краях ты что делал? Если не считать того, что заблудился?

– Решил выгулять машинку, а заодно заглянуть в пару знакомых мест.

– Учитывая погоду, весьма неожиданно. Да еще в одиночку.

– Почему? – Тео бросил на стол полуочищенную луковицу. – У тебя есть что-нибудь выпить, или ветеринары не употребляют алкоголь, боясь, что им посреди ночи придется сесть за руль, чтобы отправиться на помощь внезапно заболевшему животному?

Застыв, Бекки выразительно взглянула на очищенную луковицу.

– Я не слишком силен в домашнем хозяйстве, – пояснил он, небрежно пожав плечами.

– В холодильнике есть вино. Сегодня у меня выходной, а ночные вызовы случаются не так уж и часто. Я не доктор, и мои пациенты обычно могут потерпеть пару часов. А если и нет, все знают, где находится ветклиника. Но на мой вопрос ты не ответил. Тебе не кажется странным, что ты оказался здесь совсем один просто потому, что решил проехаться?

Неторопливо разлив вино по бокалам, Тео устроился за столом.

Сам он жил в ультрасовременном пентхаусе, и домашний уют его не слишком заботил, но, оказавшись посреди метели, сумел его оценить. Потому что сейчас он сидел на удивление уютной кухоньке. Огромная газовая плита, потертый сосновый стол в кругу разномастных стульев, выложенный плиткой пол, который, скорее всего, был с подогревом еще до того, как крыша начала протекать, потому что даже босыми ногами чувствовал его тепло...

– Я просто катался, – повторил он тихо. – Я нечасто могу позволить себе такую роскошь. – Тео задумался о своей постоянно напряженной, полной адреналина и стресса жизни миллионера. Обычно на простые радости у него никогда не хватало времени. – Я редко отдыхаю, но даже тогда постоянно приходится отвечать на звонки. – Улыбнувшись, Тео удивился своему внезапному признанию.

– Чем же ты занимаешься? – В ее вопросе ясно слышался интерес.

– Я... кое-что покупаю, чиню это и продаю. Но так как я очень жадный, кое-что и себе оставляю.

– И что же это за «кое-что»?

– Компании.

Задумчиво посмотрев на томившийся на огне соус, Бекки взяла бокал и устроилась напротив Тео, пока он гадал, за кого она его принимает. Наверняка за очередного среднестатистического трудоголика, что раз в год ездит в отпуск и каждый день сидит в офисе. Интересно, начала ли она уже, как и все остальные одинокие женщины, подсчитывать, насколько выгодно ей было бы сойтись с ним поближе?

– Бедняга, – выдохнула она наконец, и он недоуменно нахмурился.

– Что?

– Наверное, ужасно, когда нет времени даже на самого себя. У меня не так всего много, но я по-настоящему ценю то, чем занимаюсь. Я бы не выдержала, если для того, чтобы хоть немного побыть наедине с собой, мне каждый раз приходилось садиться в машину и мчаться неизвестно куда.

Рассмеявшись, Бекки впервые расслабилась с той минуты, как Тео объявился на ее пороге.

– Родители всю жизнь нам втолковывали, что деньги – это еще далеко не самое важное. – Бирюзовые глаза так и заискрились. – Мы с Алисой всегда в ответ только глаза закатывали, но они были правы. Именно поэтому, – она оглядела кухню, на которой они провели столько счастливых часов, – я и ценю тишину и покой, которые ты просто не в состоянии понять.

При мысли, что с домом детства скоро придется расстаться, у нее на глаза навернулись слезы.

– В уединении есть своя потрясающая прелесть. Мне не нужны городские толпы, иначе я бы никогда не вернулась сюда после... Проще говоря, я принадлежу этому месту. – И как страшно думать, что теперь ей придется искать другое обиталище и привыкать называть его домом... Но и родители, и Алиса давно двинулись вперед. Теперь ее черед.

Тео встревожился. Такой разговор не наведет ее на мысль, что пора паковать чемоданы, да и ее родители, похоже, смогут устоять перед солидной суммой.

Когда же он в последний раз встречал людей, которых не впечатляют деньги и то, что на них можно купить?

Хотя зачем далеко ходить за примерами? У него же есть мать, которая так и не смогла принять его подход к зарабатыванию денег. Да и как, если она всю жизнь едва сводила концы с концами, в одиночку растя сына?

Сам же он жил в мире денег, где о них только и говорили, и они на всех производили впечатление. Его женщины наслаждались тем, что он мог им дать, а бумажник был неким бездонным колодезцем, что с легкостью открывал любые двери и гарантировал полную свободу.

Так неужели в этом может быть что-то неправильное?

– Весьма трогательно, только, похоже, твои родственники не разделяют твоих взглядов. Иначе бы они тоже были здесь, вместо того чтобы сбегать в другую страну.

– Знаешь что? Можешь считать, что имеешь право свысока смотреть на всех, кто не разделяет твоего материалистического подхода, но мне искренне жаль тех, кто каждую минуту каждого дня тратит лишь на работу. Мне жаль того, у кого никогда нет времени просто немного

отдохнуть и ничего не делать. Ты вообще расслабляться умеешь? Валяешься на диване? Слушаешь музыку? Или хотя бы телевизор смотришь? – Она говорила вполне искренне, но при этом отлично понимала, что из ее слов выходит, что она куда более довольный жизнью человек, чем в реальности.

Ведь вернулась она сюда совсем не потому, что больше не могла жить без родных полей и просторов, а из-за разбитого сердца. И застряла тут не потому, что наслаждалась тишиной и спокойствием, слушая музыку и валяясь перед телевизором, а потому, что случайно получила работу и слишком от всего устала, чтобы двигаться дальше и по-настоящему заняться своей жизнью.

И как же она устала слушать бесконечную капель с крыши, прогревать холодные комнаты и думать о том, что вся ее счастливая семья из жалости терпеливо дожидается, когда же она наконец соберется с силами хоть что-то сделать и куда-нибудь съедет, чтобы они смогли спокойно продать дом.

– Я отдыхаю, – мягко выдохнул Тео.

– Что?

– Не только работаю, но и отдыхаю. Собственно говоря, я строго слежу за временем и стараюсь не пропускать перерывы. Просто привычный мне отдых не подразумевает музыку и телевизор, он более энергичен, зато приносит мне полное удовлетворение...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.